
РАКУРСЫ

П.В. КУЗЕНКОВ*

ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРИИ: ОТ ДРЕВНЕГО МИРА К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Имперские образования занимают ключевое место в политической и религиозной истории человечества. В статье рассмотрено, как происходила эволюция этого феномена на пространстве Передней Азии и Большого Средиземноморья: от времени зарождения макрогосударств в Древнем мире через период классических империй Античности к религиозным империям Средневековья и поздним империям Нового времени; представлено мнение автора о его перспективах в будущих глобальных процессах. В центре внимания – трансформация идейных основ имперских образований, прослеживаемая в первую очередь на основе титулярных формул, представляющих собой важнейший источник по истории идейно-политической самоидентификации государств. В ходе анализа материала выявлены несколько эволюционных фаз имперского строительства, характеризующихся следующими особенностями: 1) «механическая» консолидация первичных полисно-номовых политических образований вокруг того или иного военно-административного центра, с сохранением мозаичности и полицентризма в религиозной сфере; 2) оформление общеимперских религиозных систем нового поколения (как правило, связанных с культом правителя), призванных дополнить военную и политическую консолидацию сплочением населения на идеологическом уровне; 3) вытеснение первичных лично ориентированных имперских культов более авторитетными в нравственном отношении универсальными религиями с трансцендентным идеалом (христианство, ислам); 4) вторич-

* Кузенков Павел Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (Севастополь, Россия), e-mail: pk407@mail.ru

ная политизация теократических империй, приводящая к закреплению религиозно-государственного дуализма (царь / патриарх, халиф / султан); 5) окончательный упадок политизированных теократий и их более или менее болезненная трансформация в национальные государства современного типа, сформировавшегося в специфических условиях Западной Европы. Зафиксирован феномен неустойчивости монополярных геополитических структур и, напротив, впечатляющая устойчивость биполярных конфигураций в эволюционном пространстве Большого Средиземноморья, реализовавшихся в конкурентном сосуществовании эллинизма и Востока, Рима и Ирана, Византии и Халифата, Российской и Османской империй.

Ключевые слова: империя; политическая эволюция; мировые религии; история Древнего мира; государственно-конфессиональные отношения; политическая идеология.

Для цитирования: Кузенков П.В. Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 80–99. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>

Феномен империи

Эволюция человечества закономерным образом привела к появлению такой формы политической организации, как империя. Интерес к данному феномену неуклонно растет, и признано, что понятие «империя» включает в себя множество самых разнородных структур [Федотов, 1952; Ильин, 1997, с. 229–240; Bang, Bayly, Scheidel, 2001, 2020; Bowden, 2009; Burbank, Cooper, 2010; Bang, Kołodziejczyk, 2012; Crooks, Parsons, 2016]. Мы будем определять империю как тот особый тип государственности, который в своем классическом виде сформировался в позднеантичном Риме. Однако было бы, разумеется, неверно признавать империей только Римское государство эпохи принципата и домината. Мы оставляем за рамками данного исследования такие важные регионы, как Дальний Восток, Индия и Индокитай, и будем рассматривать эволюцию империй на едином эволюционном пространстве цивилизаций Большого Средиземноморья, в которое включаются регионы от Атлантики до Понто-Каспия и Междуречья включительно [Ильин, 2018].

Политические структуры изначально формируются вокруг городов, представляя собой особый этап развития социума, следующий за родоплеменными сообществами [Ильин, 1997, с. 215–223, 398–404]. Полисная государственность является и развитием племенных структур, и их антитезой, противопоставляя родовому

и клановому самосознанию полисоориентированный патриотизм, с новой социальной этикой и системой права и с особыми культовыми ритуалами. Имперское государство, в свою очередь, являет следующий базовый этап эволюционного развития. Вырастая из локальной, часто маргинальной политики, протоимперия через промежуточную фазу союзов начинает объединять непрерывно конкурирующие и ослабляющие друг друга микрогосударства на основе двух основных начал: единой политической (военной, административной, судебной) субъектности и общего культа. Концептуально рождение империи оформляется через идею «восстановления (миро)порядка»: болезненный слом старой системы, сопровождающийся устранением старых элит, с одной стороны, оправдывается зримыми социальными благами (прекращением войн и беззаконий, обеспечением справедливости, безопасности и стабильности), а с другой – в той или иной форме санкционируется религиозно как исправление и оздоровление сакрального пространства. Как будет показано далее, от успешного решения именно этой второй задачи зависит жизнестойкость и перспективность «имперских» проектов.

Важнейшей функцией империи является силовое объединение, в силу чего особую роль начинает играть фигура военного вождя, подчиняющего своей воле политических конкурентов. При этом фигура правителя обычно предстает в облике не только победоносного воителя, но и в роли «спасителя» от внешних и внутренних угроз, «исправителя» нравов, «восстановителя» законов, а иногда и самого миропорядка.

Важно отметить, что указанные направления имперского строительства – государственническое и мировоззренческое – типичны для всех времен и народов и носят универсальный характер. Мы можем проследить их от эпитетов египетских фараонов и формул на легендах монет римских императоров до политических лозунгов Новейшего времени. Это показывает, на наш взгляд, универсальный алгоритм эволюционного развития, который проявляется на разных стадиях истории человечества.

Формирование макрогосударств в рамках отдельного региона нередко осмысливается как своего рода «конец истории». Накопив значительные ресурсы, империи, подобно гравитационным массам, поглощают все мелкие государственные образования или превращают их в своих сателлитов. Однако по мере роста они неиз-

бежно сталкиваются с рядом вызовов. Во-первых, это конкуренция со стороны других аналогичных структур, которая выражается в появлении линий военного и культурного соперничества – так называемых контактных зон. При определенных условиях конкуренция империй может принять форму устойчивого – обычно биполярного – сосуществования в рамках собственных «ойкумен», которое может продолжаться веками. Во-вторых, выходя за пределы своего месторазвития, границы которого определяются рамками биосоциальной экосистемы, империи неизбежно начинают терять целостность – экономическую, этнокультурную и религиозную. Последнее оказывается особенно фатальным, так как именно сакральные ценности традиционно являются главным стимулятором героического сопротивления, способного нейтрализовать на первый взгляд неограниченные военные, экономические и культурные ресурсы империи. В хрестоматийной форме это проявлялось на примерах греко-персидских войн, в исторических судьбах иудейского народа и христианских народов Востока, протестантских сообществ Западной Европы: во всех этих случаях малые политические, этно-религиозные и конфессиональные сообщества, вооруженные идеей защиты сакральных ценностей, оказывались способны успешно противостоять могущественным империям – номинальным и фактическим.

Ослабление империй во взаимной борьбе и в связи с обострением внутренних противоречий неизбежно приводит к очередной фазе так называемой раздробленности, которая в отечественной традиции обычно оценивается негативно, так как исторически она всегда приводила к тяжелейшим внутренним и особенно внешним конфликтам. Тем не менее не следует недооценивать и огромное эволюционное значение этой фазы, в ходе которой утраченный монополию на ресурсы имперский центр фактически делится накопленным цивилизационным потенциалом с новыми региональными центрами, «разряжая» его в периферию и запуская таким образом механизмы автономного регионального развития. Данная фаза характеризуется усилением конкуренции и появлением новых центров роста, имеющих тенденцию к усилению и превращению в новые империи. Однако процессы консолидации могут быть заблокированы как извне (политикой «сдержек и противовесов» со стороны соседних держав), так и изнутри (наличием равносильных соперников). Но чем дольше искусственно

сдерживается растущий потенциал консолидации, тем мощней развиваются новые имперские образования, рано или поздно прорывающиеся из-под гнета, нередко на базе второстепенного политического центра (Македония в Древней Греции, Бранденбург-Пруссия в Германии, Пьемонт в Италии).

Новый виток имперского развития совмещает эффект концентрации с эффектом поляризации сложившихся в период раздробленности локальных политических центров, которые сохраняют высокий уровень автономии, освобождая имперский центр от решения запутанных локальных задач. Империями такого «федеративного» типа были, например, Рим эпохи принципата, аршакидская Парфия и ранний СССР. Они обладали важным ресурсом – внутренней гибкостью, что обеспечивало высокий потенциал развития и паразитическую жизнестойкость. Впрочем, такие системы обречены либо на распад под действием центробежных региональных сил, либо на консолидацию под действием центростремительных усилий государственного аппарата. То и другое приводит к кризисным явлениям, и эволюционная спираль выходит на очередной этап полицентризма.

В соответствии с законами гегелевской диалектики, с каждым новым витком эволюционного развития имперский период обогащается культурным и идейным наследием двух других форм политического бытия человечества – этнонациональной и полисной, которые, так же как и империи, вовсе не отмирают и не исчезают, но сами, в свою очередь, проходят те же ступени эволюции, возрождаясь во все более разнообразных и совершенных формах. Важнейшим эволюционным результатом является накопление позитивного и негативного опыта, который, транслируясь в форме культурной, научной и религиозной традиции, переходит от одной стадии к другой, обогащая их и придавая «цветущую сложность» (по Леонтьеву) и новое качество. Ниже мы предлагаем проследить эволюцию империй с точки зрения совершенствования важнейшего инструмента социальной консолидации – религиозно-сакральных¹ систем. При анализе предполагается использовать макроисторический, структурно-функциональный, сравнительный подходы, с эле-

¹ Следует отметить, что понятие *сакрального* шире понятия *религиозного*, так как первое включает в себя и светские идеологии, активно оперирующие «священным» и «вечными ценностями».

ментами подхода семантического, опирающегося на формульные самоидентификаторы имперских институтов.

Рождение империй

Первыми протоимперскими образованиями можно считать древнейшие царства Египта и Междуречья, еще в III тысячелетии до н.э. объединившие номы и города-государства в крупные централизованные монархии. Характерно, что титулы правителей этих новых государств включали специально созданные термины политического и сакрального характера. В титулатуре фараонов уже с I династии появляются особые символы объединения Верхнего и Нижнего Египта *небти* «две владычицы» (богини Нехбет и Уаджит) *нисут-бити* «тростник и пчела» (с V династии – маркер тронного имени). Включённые в титул фараонов иероглифы с божественными именами «Хор», «золотой Хор» и «сын Ра» недвусмысленно свидетельствовали об их обоже- ствлении [Schneider, 1993; Leprohon, 2013].

Месопотамские правители для обозначения верховной власти над регионом вначале использовали название древнейшего шумерского политического и культового центра – Киша, которое одновременно означало «мир, вселенная». Формула   *lugal Kiš^{ki}* (в аккадском чтении *šar Kiššatim*), которая может быть понята и как «правитель Киша», и как «царь Вселенной», была принята в XXIV в. до н.э. первым объединителем Аккада и Шумера Саргоном Древним [Foster, 2016]. Его внук Нарамсуэн уже недвусмысленно титуловался «царем четырех сторон света» (*šar ki-ibratim arbaim*) и добавил к своему имени шумерограмму *DINGIR (ilu)* «бог». В период «шумерского возрождения» при III династии Ура (XXII–XXI вв. до н.э.) самые успешные правители, Шульги и Амар-Суэн, также принимали титул «царей четырех сторон света» и обожествлялись, но в целом за правителями Междуречья, в отличие от Египта, полноценный божественный статус так и не закрепился: обычно они довольствовались формулами «возлюбленный богов» и «бог среди царей» (как, например, в титуле вавилонского царя Хаммурапи,

XVIII в. до н.э.)¹. Ассирийский правитель Тукульти-Нинурта I в конце XIII в. до н.э. ввел в титулатуру знаменитую впоследствии формулу «царь царей» (*šar šarrani*). Ассирия, быстрее соседей оправившаяся от кризиса эпохи поздней бронзы, вступила в железный век как мощная империя, и новоассирийские цари, объединившие Месопотамию, Сирию и Египет (VIII–VII вв. до н.э.), носили титул «славный царь стран, царь четырех сторон света, царь всех народов» [Bang, Kołodziejczyk, 2012, p. 43–59]. Финалом процессов имперской интеграции Ближнего Востока можно считать Персидскую империю Ахеменидов (VI–IV вв.), простершуюся от Ливии и Эфиопии до границ Индии и Китая. В титул персидских царей были включены все базовые элементы древней титулатуры, в том числе элементы «умеренного» обожествления. В поздней персидской традиции, при Сасанидах, мы также встречаем помимо титула *шаханшах* эпитеты «божественный», «брат Солнца и Луны» и формулу «среди богов – благой и вечный человек, среди людей – блистательнейший бог (*mazdēsna bag*, по-гречески θεός ἐπιφανέστατος)»² [Мишин, 2014, с. 67–73].

Наследие Александра и феномен Рима

Походы Александра Македонского ознаменовали новый этап в имперском развитии. С военно-политической точки зрения речь шла всего лишь о завоевании Персидской империи. Однако в культурном отношении произошел настоящий прорыв: греческая цивилизация одержала впечатляющую победу в давнем противоборстве с коллективной «Азией», олицетворением которой служили Ахемениды. Эллинизация огромных пространств, завоеванных Александром Македонским, стала началом целой эпохи в истории Ближнего Востока. Эфемерная держава Александра быстро распалась, но принесенная им на Восток греческая культура поразительно быстро укоренилась на почве древних культур Востока.

¹ История Древнего Востока. Тексты и документы / под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 169–170.

² Theophylactus Simocatta, Historia, IV, 8.5 (Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo / Ed. I. Bekkerus. – Bonnæ: Weber, 1834. – P. 175).

К римской эпохе греческий язык практически безраздельно господствовал на пространствах от Ливии до Междуречья, не только в качестве *lingua franca* («койнэ») межнационального общения в сфере политики и торговли, но и в качестве языка единой культурно-образовательной традиции, на почве которой и происходило распространение христианства [Кузенков, 2017].

Важнейшим эволюционным моментом в развитии империй стало появление в эллинистических монархиях Востока не просто объединенных религиозных систем, вбиравших в себя, как это было в Египте и Междуречье, разнообразные локальные культы, но настоящих новых религий, которые принято называть синкретическими. Рождение таких культов было вызвано не только спонтанным взаимодействием греческих и восточных религиозных традиций, но и вполне осознанным стремлением новых хозяев Востока опереть свое владычество не только на мощь македонских фаланг, но и на некий сакральный фундамент, который был бы, с одной стороны, продолжением местных традиций, но с другой – приемлем и для греческой традиции, в целом совершенно не склонной к сакрализации политической власти. Настоящей находкой в этом смысле оказались идеи Эвгемера, который провозгласил «историческое» происхождение богов из знаменитых мужей древности, что открывало дорогу к аналогичному процессу обожествления действующих правителей. Первые по этому пути пошли Птолеми, но и Селевкиды не заставили себя долго ждать, обожествляя своих монархов не только после смерти, но и при жизни. Встречающиеся у эллинистических правителей имена «Эпифан» (Явленный), «Дионис», «Теос» (Бог) и «Тея» (Богиня) красноречиво свидетельствуют о бурном процессе политической сакрализации [Воак, 1916; «Боги среди людей»..., 2016].

Впрочем, новым политическим религиям явно не хватало той величественной отстраненности, с которой обожествляли своих правителей древние традиции Востока. К началу римской экспансии эллинистические монархии оказались лишены внутренней целостности и широкой поддержки, что сделало их легкой добычей римлян. Характерно, что результатом походов Помпея и Цезаря стало введение в городах Востока так называемых эр освобождения [Grumel, 1958, p. 213–217]. Но и сам Рим, тесно соприкоснувшись с цивилизацией эллинизма, претерпел коренные изменения, превратившись в империю *per se*.

Политическим манифестом государства, родившегося при Цезаре и Августе, можно считать завет Анхиза в «Энеиде» Вергилия:

*tu regere imperio populos, Romane, memento:
hae tibi erunt artes – pacisque imponere morem,
parcere subjectis et debellare superbos*¹.

В процессе строительства империи римское государство перенесло радикальные изменения и, хотя Август сделал все, чтобы его неограниченная власть не слишком оскорбляла дорогие сердцу римлян идеалы народовластия, на Востоке Рим был воспринят как новое царство, пришедшее на смену греческим монархиям. Однако Римская держава была настолько особым феноменом, что для ее правителей не подходил ни один из существовавших терминов – и они стали титуловаться именами основателей принципата: *Caesar Augustus* (откуда наши слова *царь* и *августейший*).

Главным эволюционным достижением Римской империи стало формирование мощной государственной религии, в основе которой лежал культ «гения императора». Впрочем, личное обожествление принцев осуществлялось только посмертно, и ему подлежали лишь те, чье правление признавалось достойным со стороны Сената. При этом сам характер сакрализации различался на Западе и Востоке: если на латыни причисленный к богам правитель именовался *divus* – «божественный», то по-гречески его прямо называли θεός – «бог» [Price, 1986]. Опираясь на опыт эллинизма, римляне создали по всей империи развитую сеть императорского культа, превратившегося в важнейший интегрирующий элемент государства [Brent, 1999; Ando, 2000; Fishwick, 1987–2005]. Когда в начале IV в. Константин Великий принял христианство, наличие этой сети заметно облегчило распространение по империи новой господствующей религии [Brent, 1999, p. 73–139].

¹ Aeneis, VI 846–853. Перевод С.А. Ошерова (Вергилий. Буколики; Георгики; Энеида. – М.: Художественная литература, 1979):

*Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирать войною надменных!*

Империя и христианство

Отношения между империей и христианством поначалу складывались драматично. Проявляя полную лояльность власти как исходящему от Бога управляющему началу, христиане категорически не принимали идею о божественности самих императоров, тем самым в глазах последних подрывая устои государства. Христианские общины были поставлены вне закона, однако церковь сумела создать такие организационные формы, которые оказались неуязвимы для репрессивной машины гонений. Более того, доктрина о недопустимости сакрализации правителей в контексте несовершенного исторического бытия оказалась востребована в условиях кризиса III в. Среди императоров все чаще попадались откровенно одиозные личности, что катастрофически подтачивало авторитет религии августов. Вслед за трансформацией принципата в вертикаль домината назрела потребность в опоре на систему сакрализации власти, базирующуюся на трансцендентном Начале. Христианский Бог, абсолютно отрешенный от пороков «века сего» и в то же время актуально воплотившийся в качестве Спасителя человечества, идеально подходил на роль Верховного Божества, и с конца IV в. христианство стало безраздельно господствовать в Римской империи в качестве консолидирующей религиозной системы.

И библейская традиция (Книга пророка Даниила), и позднеантичная историография (хронографические своды Юлия Африкана¹ и Евсевия Кесарийского²) отразили процесс имперской консолидации, развернувшейся в древности и в античную эпоху. Главным результатом этих процессов стало формирование единой мировой империи, объединившей древние мировые политические центры и именовавшейся по-гречески «вселенной» (οἰκουμένη). Христианизация империи стала органичным соединением первой универсальной религии с первым универсалистским государством. Именно в своей христианской форме Римская империя – позже известная как Византия – оплодотворила европейскую цивилизацию не только религиозными идеалами и богатым наследием ан-

¹ Сохранился только в цитатах у хрониста начала IX в. Георгия Синкелла. Georgii Syncelli Ecloga chronographica / ed. A.A. Mosshammer. – Leipzig: Teubner, 1984.

² «Каноны времени» Евсевия уцелели только в латинской и армянской версиях. Eusebi Chronicon libri duo / ed. A. Schoene. – Berlin: Weidmann, 1875, 1866. – Vol. I–II.

тичной культуры, но и базовыми идеями кодифицированного права (кодексы Феодосия и Юстиниана) и публичной легитимности власти [Вальденберг, 2008; Калделлис, 2016].

Дихотомия Рима и Ирана

Императоры так и не смогли подчинить себе все наследие Александра. Римские легионы не раз вступали в Междуречье, но твердыня Ирана устояла перед их натиском. Тем самым в претензии Империи на статус «вселенной» вводилась существенная поправка: важную часть территории древнейших мировых царств контролировали персы, политические и идейные антиподы греко-римской цивилизации.

Любопытно, что Иран едва не перехватил у Рима инициативу религиозного универсализма. В III в., в разгар одного из самых жестких гонений, развернутых против христианства в Империи, новая династия Сасанидов в поисках религиозной опоры рассматривала и популярное в сиро-арамейской среде христианство, и новаторскую доктрину Мани, но шаханшах Шапур сделал выбор в пользу реформированного зороастризма. Это упрощало тактическую задачу – сплочение иранцев вокруг правящей династии, но именно этот религиозный персонентризм не позволил зороастризму стать основой имперской консолидации. Среди подчиненных Сасанидам народов – сирийцев, армян, иудеев, грузин, кавказских албанцев – широко распространялись альтернативные религиозные системы, прежде всего христианство. В IV в. оно стало религией Рима, главного политического соперника Ирана, что вызвало гонения. Но искоренить христианство не удалось. Потерпев неудачу в силовом подавлении христиан, Сасаниды перешли к открытой поддержке церковных диссидентов, появившихся на территории Империи в ходе догматических дискуссий и эмигрировавших в Иран. Эта политика дала определенные плоды. На территории Ирана оформились сироязычная Церковь Востока, Армянский, Грузинский и Албанский католикосаты, а на оккупированных территориях империи в Сирии и Египте диссидентствовавшие группы под опекой Сасанидов сформировались в полноценные церкви – Яковитскую и Коптскую. Все эти церковные структуры (кроме Грузинской) окончательно обособились от имперской ортодоксии,

хотя и по противоположным догматическим основаниям. Но, возможно, самым важным результатом противостояния с Римом стало (воз)рождение книжных культур христианских народов Востока, бросивших вызов литературной монополии эллинизма [Yarshater, 1983, vol. 3/1, p. 924–948; Albert et al., 1993; Robinson, 2010, p. 72–152; Кузенков, 2017].

Сложившаяся в результате баланса сил Рима и Ирана биполярная система оказалась весьма стабильной. Ее разрушила утопичная попытка шаханшаха Хосрова II взять реванш у греко-римского мира и вернуть наследие Ахеменидов, используя кризис в Империи (к тому времени уже только Восточной). Затяжная война, наложившаяся на серию природных аномалий, истощила обе великие державы и вывела на сцену новую силу, уничтожившую зороастрийский Иран и поставившую на грань гибели христианскую империю [Колесников, 1970, с. 58–92; Yarshater, 1983, p. 568–612; Большаков, 2006].

Византия и Халифат

Импульс новой универсальной религии, зародившейся в начале VII в. в оазисах Аравии, породил цунами. Конец света, которого с трепетом ожидали и христиане, и зороастрийцы, действительно наступил: старый мир безвозвратно канул в Лету. Началось Средневековье – эпоха соперничества мировых *религий*. На месте границы между Римом и Ираном появилась подвижная «линия фронта» перманентной священной войны, на протяжении тысячи лет изнурявшей христианский мир. Империя, все еще гордо именовавшаяся Римской, но фактически ставшая компактным греческим царством – Византией, сумела перестроиться и найти силы для успешного сопротивления волнам арабских нашествий. Более того, через пару столетий, когда разросшийся до гигантских размеров Халифат стал разваливаться под натиском центробежных сил, Византия перешла в контрнаступление, и к концу IX в. политическая конфигурация внешне вернулась к старой биполярной системе [Shepard, 2008, p. 365–394; Robinson, 2010, p. 173–225; Острогорский, 2011, с. 277–393].

Но сходство было лишь внешним. Если для христианства римский политический универсализм, по сути, так и остался ино-

родным¹, то ислам с самого начала проповедовал всемирное теократическое государство, больше похожее на религиозную общину. В титул халифов вошли исключительно религиозные формулы: «наместник (*халиф*) Посланника Аллаха» и «повелитель правоверных» (*амир уль-муаминин*). Византийцы также не называли халифов царями, используя либо аутентичный титул *амирмумнин*, либо искусственные формулы, например *протосимвол и диатактор агарян* (у Константина Багрянородного)². Сами императоры ромеев в своих титулах сочетали реминисценции из старой римской титулатуры (*автократор, август*) с греческим термином *василевс* (имеющим античные и библейские коннотации) и подчеркивали сакральность своей власти через эпитеты «святой» (ἅγιος), «боголюбознейший» (θεοσιλέστατος)³, «христоролюбивый» и формулу «верный во Христе Боге» (ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστός) [Rösch, 1978].

Таким образом, система биполярного мира возродилась в Средневековье в виде двух мировых религий, и политическое лидерство стало функцией лидерства религиозного. Это видно, в частности, из дипломатической переписки. Даже в XIV в., когда Византия ужалась до размеров скромной балканской страны, египетский султан Калаун чествует императора Андроника III (в 1340 г.) «столпом христианской веры, отцом всех крещеных, честью христианства», царем греков, Болгарии, Валахии, Алании, России, Грузии и турок, а также «наследником царства римлян». В свою очередь, самого себя он величает «великим султаном», «царем царей», «султаном арабов, персов и турок», «собирающим из всех народов к вере своей, убивающим и истребляющим неверных... гонителем армян, франков и татар, Александром нашего времени» и т.д.⁴

И Византия, и Халифат представляли собой не просто политические империи: Константинополь и Багдад выступали как ядра огромных религиозно-культурных полей, простиравшихся далеко за пределы их собственных, весьма нестабильных, государственных

¹ На Западе это ясно показал Августин в трактате «О граде Божием».

² De ser. II 48. Перевести эти искусственные титулы можно только приблизительно: «первый по сану (σὺμβολον)» и «повелитель агарян».

³ Часто переводится как «боголюбивейший», в активном смысле, но латинский вариант – *Deo amabilis* («любозный Богу») – заставляет понимать ее пассивно, что соответствует еще египетским и вавилонским эпитетам.

⁴ Regel W. *Analecta Byzantino-Russica*. – Petropoli, 1891. – P. 57–58.

ных границ. Это позволяет говорить о существовании таких феноменов, как «византийский мир» и «мир ислама». При этом обе религии проделали разнонаправленную эволюцию: христианство, изначально выступавшее за строгое разделение «кесарева и Божия», вписалось в систему «симфонии» светского и духовного начал, наравне обладающих сакральностью; ислам, напротив, изначально исходивший из радикального отождествления политического и религиозного, после выделения султаната из халифата (при Буидах в 945 г.) также принял бинарный характер [Бартольд, 1966]. Тем самым в обеих теократиях сложилась прагматичная система светской (император, султан) и духовной (патриарх, халиф) властей, оказывающих друг другу взаимную поддержку. Таким образом, можно говорить об эволюционном развитии унарной религиозно-политической структуры ранних империй в более устойчивую модель светско-духовного дуализма, где политическая власть отвечает за вопросы безопасности и законности, а духовенство – за вопросы морали и сферу сакрального.

Отношения между лидерами Византии и Халифата далеко не всегда были враждебными, но универсалистская природа и христианства, и ислама исключала органичный союз. Кроме того, сама биполярность политической системы раннего Средневековья оказалась весьма зыбкой. Подлинного религиозного (и тем более политического) единства не было ни в том, ни в другом лагере. Христианский мир разделился политически после создания папами «Священной Римской империи» на Западе в 800 г. (с 962 г. – во главе с германскими королями), а в 1054 г. раскололся конфессионально после конфликта между папством и греческим духовенством. Исламский мир почти сразу раскололся на суннитов и шиитов, а в X в. у Багдадского халифата Аббасидов появился конкурент в лице исмаилитской династии Фатимидов. Наряду с внутренними смутами, Восток сотрясали волнами активности кочевых империй (сельджуки в XI в., монголы в XIII в., Тимуриды на рубеже XIV и XV вв.). Всё это обуславливало эфемерность средневековых государств Азии и Северной Африки.

Османь, Россия и европейский «концерт держав»

Стабильность пришла в XV в. с усилением Османов. Их империя, поглотившая остатки Византии и почти все православные страны (кроме Руси и Восточной Грузии), вобрала в себя и

значительную часть арабского наследия – включая и халифат. Полный титул османских султанов наглядно свидетельствует о полученном ими политическом наследии: в него вошли формулы «султан султанов», «хакан хаканов», «халиф Пророка», «повелитель правоверных», «император» (*Imparator'u*) – объединяющие сразу три имперских традиции: арабскую, тюркскую и римскую [Bang, Kołodziejczyk, 2012, p. 175–193]. Внутри исламского мира султаны представляли себя именно как халифы – духовные лидеры мусульман-суннитов всего мира. А в отношениях с Западом разыгрывали карту «византийского наследия», сначала как опаснейшие соперники западноевропейских стран, а в эпоху упадка – как противовес великодержавным амбициям усилившейся России.

Московские князья, которые начинали свою политическую карьеру как любимцы ордынских ханов, объединили значительную часть Руси, а после распада Орды сами стали успешно осваивать наследие Чингизидов, включив в свои владения Казанское, Астраханское и Сибирское царства. При этом Иван Грозный, принимая в 1547 г. царский титул, положил в основу великодержавной идеологии легенды XV в. о родстве Рюриковичей с Цезарем и Августом и о даре царского венца из Царьграда Владимиру Мономаху. Это позволяло представить царский титул как законное «отеческое наследие».

Имперский статус Москвы обязывал к статусу хранителей чистой христианской веры, что еще в начале XVI в. было сформулировано псковским монахом Филофеем в концепции «Москва – Третий Рим» [Синицына, 1998]. Эта же идея фиксируется в посланиях султана Сулеймана Великолепного (1548 и 1549 гг.), где Иван Грозный титулуется не только как «великий король¹ Московский», но и как «всем родом христианским правитель»². Сам Иван Васильевич в ответных посланиях, кажется, подхватывает эту тему, титулуя себя как «Божиею милостью един православный царь» – хотя и не отвечает «брату и доброму приятелю Сюлемен-салтану» симметричной взаимностью, никак не отмечая его роли в мире ислама³.

¹ В написанном по-гречески подлиннике – ρῆξ. Этим термином (от латинского *rex* «царь, король») в Византии называли крупных европейских государей, в том числе и великих князей Владимирских и Московских.

² Россия и греческий мир в XVI веке / отв. ред. С.М. Каштанов. – Т. 1. – М.: Наука, 2004. – С. 169.

³ См.: там же, с. 171.

Впрочем, в российской государственной политике идея лидерства в православном мире звучала далеко не так отчетливо, как идея «имперского корня» династии, которая перекочевала от Рюриковичей к Романовым. В «Большой государевой книге» 1672 г. мы читаем, что «монархия великого Российского царствия и великих государей царей и великих князей российских корень изыде от превысочайшего цесарского престола и прекрасноцветущего и пресветлого Августа Цесаря, обладающего всей вселенною»¹. При Петре эта мифическая родовая связь с Римом уступила место более адекватному обоснованию – переводу русского титула «царь» как *imperator* в дипломатической переписке XVI в. На это указал 22 октября 1721 г. граф Гаврила Головкин при поднесении царю Петру Алексеевичу императорского титула. Вдобавок к этому Сенат по примеру «древних греческих и римских синклитов» провозгласил Петра «Великим» и «Отцом Отечества», обозначая преемственность с римско-византийской традицией. Однако сам Пётр I, принимая титул, заявил: «Надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с Монархию Греческою», – проведя четкую грань, отличавшую новую Империю Всероссийскую от Византии². В отличие от василевсов Нового Рима, деклариовавших сакральный характер своей власти и имевших авторитетных духовных визави в лице вселенских патриархов, Пётр I и его преемники, фактически взявшие на себя функции главы Церкви, строили Империю как сугубо светское государство, опиравшееся в первую очередь на армию и дворянство, и лишь во вторую – на духовенство, оказавшееся на правах служилого сословия.

Тем не менее и Османская империя, и Русское царство, а затем Империя Всероссийская в XVI–XX вв. представляли вариацию того же типа религиозно ориентированных империй-цивилизаций, который был задан в Средневековье Халифатом и Византией. Отображением этого в геополитической реальности стал пресловутый «Восточный вопрос», в центре которого стояла проблема Константинополя и судьбы христианских народов Балкан и Ближнего Востока. Финалом этого противостояния стала Первая мировая война,

¹ Большая государева книга, или Царский титулярник 1672 года. Л. 5 об.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. – Т. VI. СПб., 1830. С. 444–446 (№ 3840).

ставшая фатальной для обеих империй и глубоко потрясшая оба представленных ими мира – православия и ислама.

Новый мировой порядок, начало которому было положено в Италии эпохи Ренессанса, базировался на совершенно иных принципах, выстраданных Европой и запечатленных в Вестфальской, Венской, Версальской, Ялтинской системах. Эти принципы сводились к признанию теоретического (хотя и не практического) равноправия государств и конфессий и к поддержанию баланса сил и интересов. Старые империи получили сильных конкурентов в виде колониальных талассократий, также именуемых империями, но представляющих собой особый феномен [Burbank, Cooper, 2010, p. 149–184]. Современный мир состоит примерно из двухсот государств, обладающих национальным политическим суверенитетом. Глобалистические тенденции развиваются преимущественно в пространствах экономики, культуры и информации. Значит ли это, что время империй как глобальных проектов прошло безвозвратно? Эта тема живо обсуждается в академической науке [Burbank, Cooper, 2010, p. 413–442]. Вполне возможно, что очередной системный кризис сформирует запрос на новые формы универсалистских государств¹. И проанализированный материал показывает, что для этого в первую очередь будет необходима выработка некоей особой системы сакрализации – о характере которой мы сейчас судить не беремся.

P.V. Kuzenkov*

The Evolution of Empire: from the Ancient World to Modern Times

Abstract. Imperial formations occupy a key place in the political and religious history of Humankind. The article traces the evolution of this phenomenon, with a future global perspective, from the time of the emergence of macrostates in the Ancient World, through the period of the classical empires of Antiquity to the religious empires of the Middle Ages and the late empires of the New Age, in the space of Asia Minor and the Greater Mediterranean. The focus is on the transformation of the ideological

¹ Здесь, конечно, не имеются в виду эксплуатирующие имперскую тему экстремистские террористические группировки, вроде «Исламского государства» (запрещено в РФ).

* **Kuzenkov Pavel**, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (Sevastopol, Russia), e-mail: pk407@mail.ru

foundations of imperial formations, traced primarily on the basis of titular formulas, which are the most important source on the history of the ideological self-identification of states. The analysis revealed several evolutionary phases of imperial construction, characterized by the following features: 1) “mechanical” consolidation of primary polys-nomic political formations around a particular military-administrative center, with the preservation of mosaicism and polycentrism in the religious sphere; 2) formation of the new generation of all-imperial religious systems (usually associated with the ruler’s cult), designed to complement military and political consolidation by an ideological one; 3) displacement of primary personality-oriented imperial cults by more morally authoritative universal religions with a transcendental ideal (Christianity, Islam); 4) secondary politicization of theocratic empires, leading to the consolidation of religious-state dualism (emperor / patriarch; caliph / sultan); 5) final decline of politicized theocracies and their more or less painful transformation into national states of the modern type, formed in the specific conditions of Western Europe. The phenomenon of instability of monopolar geopolitical structures and, on the contrary, the impressive stability of bipolar configurations, embodied in the evolutionary space of the Greater Mediterranean in the competitive coexistence of Hellenism and the East, Rome and Iran, Byzantium and the Caliphate, the Russian and Ottoman empires, was identified.

Keywords: empire; political evolution; world religions; ancient world history; state-confessional relations; political ideology.

For citation: Kuzenkov P.V. The evolution of Empire: from the ancient world to modern times. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 80–99. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.03>

References

- Albert M., Beylot R., Coquin R.-G., Outtier B., Renoux C. *Christianismes orientaux: Introduction à l'étude des langues et des literatures*. Paris: Cerf, 1993, 439 p.
- Ando C. *Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman Empire*. Berkeley: University of California press, 2000, XV, 460 p.
- Bang P.F., Bayly C.A., Scheidel W. (eds). *The Oxford world history of empire. Vol. 1: The imperial experience. Vol. 2: The history of empires*. Oxford: Oxford university press, 2001, 2020, 1449 p.
- Bang P.F., Kołodziejczyk D. (eds). *Universal empire: a comparative approach to imperial culture and representation in Eurasian history*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, XX, 378 p.
- Barthold W.W. Caliph and sultan. In: *Collected works. Vol. 6*. Moscow: Nauka, Main editorial office of oriental literature, 1966, P. 15–80.
- Boak A.E.R. The theoretical basis of the deification of rulers in antiquity. *Classical journal*. 1916, Vol. 11, P. 293–297.
- Bolshakov O.G. *The history of the caliphate. Pt. 2: The age of great conquests, 633–656*. Saint Petersburg: Humanistics, 2006, 600 p. (In Russ.)
- Bowden B. *The Empire of civilization: the evolution of an imperial idea*. Chicago: University of Chicago press, 2009, 320 p.

- Brent A. *The imperial cult and the development of church order: concepts and images of authority in paganism and early Christianity before the age of Cyprian*. Leiden etc.: Brill, 1999, 369 p.
- Burbank J., Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton university press, 2010, 528 p.
- Crooks P., Parsons T. (eds). *Empires and bureaucracy in world history: from late antiquity to the twentieth century*. Cambridge: Cambridge university press, 2016, XVIII, 460 p.
- Fedotov G.P. The fate of empires. In: Idem. *New City*. New York: Publishing house Chekhov, 1952, P. 171–199. (In Russ.)
- Fishwick D. *The imperial cult in the Latin West: studies in the ruler cult of the Western Provinces of the Roman Empire*. Leiden etc.: Brill, 1987–2005, Vol. 1–3.
- Foster B.R. *The Age of Akkad: inventing empire in Ancient Mesopotamia*. London: Routledge, 2016, 456 p.
- Grumel V. *La chronologie*. Paris: Presses universitaires de France, 1958, XII, 488 p.
- Ilyin M.V. *The greater Mediterranean: development in time and space*. Sevastopol: SevGU, 2018, 32 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. *Words and meanings. Experience in describing key political concepts*. Moscow: ROSSPEN, 1997, 431 p. (In Russ.)
- Kaldellis A. *The Byzantine Republic: people and power in New Rome*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2016, 448 p. (In Russ.)
- Kolesnikov A.I. *Iran at the beginning of the 7th century: (Sources, domestic and foreign policy, issues of administrative division)*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1970, 144 p. (Palestinskiy Sbornik, 22). (In Russ.)
- Kuzenkov P.V. The birth of the Christian East as a transformation of Hellenistic culture. *Istoricheskiy Vestnik*. 2017, Vol. 20, P. 14–30. (In Russ.)
- Leprohon R.J. *The great name: Ancient Egyptian royal titulary*. Atlanta (Georgia): Society of Biblical Literature, 2013, XX, 270 p.
- Mishin D.E. *Khosrov I Anushirvan (531–579), his era and his biography and teaching in the history of Miskaveikh*. Moscow: IVRAN, 2014, 696 p. (In Russ.)
- Ostrogorsky G.A. *History of the Byzantine state*. Moscow: Siberian Blagozovonnitsa, 2011, 895 p. (In Russ.)
- Price S.R.F. *Rituals and power: The Roman Imperial cult in Asia minor*. Cambridge etc.: Cambridge university press, 1986, XXVI, 289 p.
- Robinson C.F. (ed.). *The new Cambridge history of Islam. Vol. 1: The Formation of the Islamic World (6th to 11th Centuries)*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, XL, 783 p.
- Rösch G. *Όνομα βασιλείας: Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit*. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1978, 179 S.
- Schneider Th. Zur Etymologie der Bezeichnung “König von Ober- und Unterägypten”. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1993, Bd. 120/2, S. 166–181. DOI: <https://doi.org/10.1524/zaes.1993.120.2.166>
- Shepard J. (ed.). *The Cambridge history of the Byzantine empire, c. 500–1492*. Cambridge etc.: Cambridge university press, 2008, XX, 1207 p.

- Sinitsyna N.V. *Third Rome: The origins and evolution of the Russian medieval concept (15th–16th centuries)*. Moscow: Indrik, 1998, 416 p. (In Russ.)
- Strelkova A.V., Obukhova S.V., Bugaeva N.V. (eds). *“Gods among men”: The cult of rulers in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman worlds*. Moscow; Saint Petersburg: Publishing house RHGA, 2016, 733 p. (In Russ.)
- Waldenberg V.E. *State structure of Byzantium until the end of the 7th century*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2007, 224 p. (In Russ.)
- Yarshater E. (ed.). *The Cambridge history of Iran*. Vol. 3 (1–2). Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1983, 702+883 p.

Литература на русском языке

- «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / под ред. А.В. Стрелкова, С.В. Обухова, Н.В. Бугаевой. – М.; СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 733 с.
- Бартольд В.В. Халиф и султан // *Он же*. Сочинения. – Т. VI. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. – С. 15–80.
- Большаков О.Г. История Халифата. – Кн. 2: Эпоха великих завоеваний, 633–656 гг. – СПб.: Гуманистика, 2006. – 600 с.
- Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 224 с.
- Ильин М.В. Большое Средиземноморье: развитие во времени и пространстве. – Севастополь: СевГУ, 2018. – 32 с.
- Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 431 с.
- Калделлис А. Византийская республика: Народ и власть в Новом Риме. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. – 448 с.
- Колесников А.И. Иран в начале VII в.: (Источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970. – 144 с. – (Палестинский сборник, 22).
- Кузнецов П.В. Рождение Христианского Востока как трансформация эллинистической культуры // *Исторический вестник*. – 2017. – Т. 20. – С. 14–30.
- Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. – М.: ИВ РАН, 2014. – 696 с.
- Острогорский Г.А. История Византийского государства. – М.: Сибирская Благовонница, 2011. – 895 с.
- Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – М.: Индрик, 1998. – 416 с.
- Федотов Г.П. Судьба империй // *Федотов Г.П. Новый град*: Сб. статей / под ред. Ю.П. Иваска. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. – С. 171–199.